

Не будь турбулентности, как заметил один математик, река Волга текла бы со скоростью две тысячи километров в час. Не ту же ли роль играет нарастающая глобальная турбулентность наших дней? Возможно, сброс «человекини» в хаос есть оргвывод незримого аудитора, у которого иссякает терпение при виде бесчисленных нарушений людьми правил мироустройства? Не благодаря ли катаклизмам класса «Всемирный потоп», или «Вавилон», или пока не дотягивающему до такого предельного уровня так называемому глобальному кризису происходит коррекция орбит, переоценка ценностей и смыслов бытия обществ и личностей?

Нюансы

ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Турбулентность в обществе перемалывает аттракторы. То, что вчера представлялось важным, вдруг теряет всякую ценность. А казавшееся ранее пустяком, данную этикету или банальной гарантированной данностью вдруг обретает критическую, жизненно важную значимость.

Турбулентность сред, предмет исследований А.Н. Колмогорова еще в 1940-е и синергетики — в последующие годы, превратилась в объект управления, научившегося не только на него влиять, но и провоцировать. Точнее говоря, современная нам наука довела до высоты математических интерпретаций процессы, присущие издревле истории в форме различных катастроф, и технологии, которыми люди целенаправленно вызывали хаос для достижения своих целей, будь то революции, партизанские операции, интриги по-макиавеллиевски или в духе китайских стратагем. Популярны ныне дебаты об «управлении хаосом» суть осознание того факта, что «мейнстрим» стратегических философий ключевых игроков генерируется именно теорией сложности, осознавшей и отдавшей «рыцарям» операций в поле бизнеса, политики и информации эффективные в делах категории динамического и когнитивного хаоса. Незнание этого обстоятельства и пренебрежение категориями синергетики означает профнепригодность современных управленцев и экспертов.

Совершившаяся в нашей стране в 1980–1990-е годы интеллектуально-политическая капитуляция перед стихией рынка — это проявление духовного малодушия, геополитического легкомыслия и некомпетентности тогдашних элит в понимании законов действия турбулентности. Кстати говоря, нечто подобное произошло и на Западе, ринувшемся в новую глобализацию, дерегулируя институты, мешавшие «пересдаче карт» в старых играх на базе новых технологий. Процесс, разумеется, был сложен: и в самом деле много накопилось пут, связывавших многие творческие порывы людей того периода,

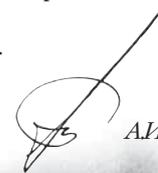
«мертвые хватили живых», хотя многие были и остаются в иной плоскости: «Наши павшие — как часовые»... Благодаря той волне «либерализации» на сцену вышли и новые предприниматели, по-шумпетеровски, как здоровые носители хозяйственных инициатив. Но через эти же «свободы» по экспоненте накапливался чудовищный, метастазирующий нарост «теневой финансовой системы». Как раковая опухоль паразитирует на здоровых клетках, так и этот нарост воспроизвелся в чудовищных масштабах. Параллельно пробили себе дорогу и другие свободы — особенно слова.

На порядок больше, чем прежде, людей получили возможность праздности, включая технические условия творить — все, что угодно: петь караоке, графоманствовать в блогах, витийствовать на митингах, «отрываться» в досуге и т.д. И как в финансовом секторе пузыри, так и в коммуникациях, словно дрожжами

поддержанных Интернетом и мобильной связью, возникли неимоверные массивы потребительской бессмыслицы, ознаменовавшие кризис духовный. Назвав все это безобразие постмодерном, кто-то, без сомнения, не утратил чувства концептуального юмора.

Эпоха турбулентности началась не осенью и не в августе 2008 года. Ей уже двадцать лет как минимум. Мы в ней давно живем, многие «скисли душами, опрыщавели».

Как все это выправить? Корни многих проблем сначала обнажаются как невежество, но являются по сути бессовестностью. Методы лечения этих болезней различны.

А.И. Агеев

